

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢВИЧЪ ПУШКИНЪ.

Матеріалы для его біографіи.

ГЛАВА 3-я

(1817—1820.)

Въ предъидущихъ главахъ представлены возможно-полныя свѣдѣнія о дняхъ младенчества и о лицейской жизни Пушкина. Мы остановились на половинѣ 1817 года, на выходѣ его изъ Лицея. Если спросятъ, каковъ же былъ Пушкинъ въ эту пору, какія свойства и какой характеръ имѣлъ онъ, переходя къ жизни самостоятельной, то намъ должно будетъ уклониться отъ окончательныхъ опредѣленій и рѣшительныхъ приговоровъ, и однажды навсегда напомнивъ читателю заглавіе нашего труда, отослать за отвѣтомъ на этотъ и другіе вопросы ко всему предъидущему изложенію. Здѣсь переданы только матеріалы для біографіи, отнюдь не настоящая біографія, для насъ, по крайней мѣрѣ, доселѣ невозможная.

Но, уклоняясь отъ оцѣнки и сужденій рѣшительныхъ, не можемъ не назвать Пушкина, какъ поэта, счастливымъ любимцемъ

судьбы. Въ самомъ дѣлѣ, ничто не мѣшало, напротивъ все благопріятствовало поэтическому его развитію. Онъ родился посреди людей, которые вмѣстѣ съ первыми впечатлѣніями передали ему любовь къ прекрасному, страсть къ словесности и къ просвѣщенію во всѣхъ родахъ. Въ Лицеѣ былъ полный просторъ для усовершенствованія талантовъ. Вообще Пушкинъ имѣлъ возможность удовлетворять своей любознательности и страсти къ чтенію. Зѣвавшіе его уже въ то время удивлялись его начитанности. Всѣ лучшія произведенія словесности, и преимущественно Французскѣй, вся анекдотическая часть исторіи, были ему знакомы въ подробностяхъ, и про него можно сказать, какъ про Онѣгина, что

..... дней минувшихъ анекдоты,
 Отъ Ромула до нашихъ дней
 Хранилъ онъ въ памяти своей.

Страсть къ чтенію и богатый запасъ разнородныхъ свѣдѣній спасли Пушкина отъ пустоты, отъ того, что можно назвать литературною болтовнею, и на самыхъ первыхъ порахъ сообщили положительность и убѣждающую силу его произведеніямъ. Съ другой стороны первоначальные его опыты обратили на него общее вниманіе еще въ стѣнахъ училища и заслужили лестное для самолюбія одобреніе лучшихъ представителей нашей словесности. Это самое, вмѣстѣ съ чувствомъ чести, развитію котораго такъ сильно содѣйствовало внутреннее устрой-

ство Лицея, рано пробудило въ Пушкинѣ сознаніе силъ своихъ, столь спасительное при началѣ всякаго поприща.

На 19-мъ году жизни Пушкинѣ окончилъ ученіе въ Царскосельскомъ Лицеѣ. Въ трогательныхъ выраженіяхъ распростился онъ съ мѣстомъ, которое такъ дорого было его сердцу. Въ самый день выпуска, 9-го іюня 1817 года, пишетъ онъ стихотвореніе *Разлука* и обращаясь къ одному изъ товарищей, говоритъ между прочимъ:

Прости! Гдѣ бъ ни былъ я: въ огнѣ ли смерт-
ной битвы,

При мирныхъ ли берегахъ родимаго ручья,
Святому братству вѣренъ я.

Въ первомъ изъ этихъ стиховъ заключается біографическое указаніе. Нѣкоторое время Пушкинѣ сильно былъ занятъ мыслью о поступленіи въ военную службу. Не долго предъ тѣмъ появившійся Высочайшій Указъ предоставлялъ лицеистамъ лестное для нихъ право опредѣляться прямо въ гвардію офицерами. Это восхитило не одного Пушкина: 12 человекъ его товарищей тотчасъ же избрали военное поприще. Жизнь военная представлялась молодому поэту въ самомъ привлекательномъ видѣ. Уже давно онъ познакомился съ нею въ кругу квартировавшихъ въ Царскомъ Селѣ офицеровъ. По всему вѣроятію, особенно поддерживала его въ этомъ намѣреніи дружба съ поручикомъ лейбъ-гусарскаго полка, Петромъ Яковлевичемъ Чадаевымъ. Мы еще будемъ имѣть

случай подробнѣе говорить о его сношеніяхъ съ этимъ человѣкомъ; здѣсь замѣтимъ только, что на примѣрѣ друга своего онъ могъ видѣть, что военная служба не препятствовала нисколько занятіямъ умственнымъ и литературнымъ, къ которымъ онъ уже успѣлъ получить навыкъ, и съ которыми тяжело было бы ему разстаться. Пушкину именно хотѣлось поступить въ лейбъ-гусары. Одинъ изъ знакомыхъ генераловъ общалъ ему свое содѣйствіе ¹⁾. Затрудненіе относительно фронтальной службы, предварительное знаніе которой требовалось отъ офицера гвардіи, для Пушкина не существовало: онъ хорошо ѣздилъ на лошади, мастерски фехтовалъ, будучи ловокъ и гибокъ во всѣхъ движеніяхъ. Восхищенный мыслью соединить поприще поэта съ военнымъ, онъ уже писалъ къ дядѣ Василю Львовичу:

Счастливъ, кто миль и страшень міру,
 О комъ за пѣсни, за дѣла,
 Гремить правдивая хвала;
 Кто славить Марса и Темиру,
 И бранную повѣсилъ лиру
 Межъ вѣрной сабли и сѣдла.

Подъ этими же впечатлѣніями написано и шутивное посланіе къ Галичу ²⁾.

¹⁾ См. Посланіе къ О.

²⁾ Надѣву узкія рейтузы,
 Завью въ колечки гордый усь,
 Заблещетъ пара эполетовъ,
 И я — питомецъ важныхъ музъ

Впрочемъ мысль о военной службѣ была у Пушкина плодомъ временнаго увлеченія. Онъ смотрѣлъ на будущее служебное поприще свое съ безпечною поэта. Въ стихахъ къ товарищамъ передъ выпускомъ онъ даже подсмѣивается надъ заботами друзей своихъ относительно службы.

Но ему не удалось надѣть военнаго мундира. Свиданіе съ отцомъ разстроило его планы. Сергѣй Львовичъ напрямикъ объявилъ, что онъ не въ состояніи содержать сына въ гусарскомъ полку; Впрочемъ онъ позволялъ ему опредѣлиться въ одинъ изъ пѣхотныхъ полковъ гвардіи: молодому Пушкину того не хотѣлось ³⁾.

Всѣ толки объ этомъ происходили вѣроятно еще въ Лицеѣ, потому что черезъ 4 дня по выходѣ оттуда, Пушкинъ уже записался въ министерство иностранныхъ дѣлъ, съ чиномъ коллежскаго секретаря, что должно

Въ числѣ воюющихъ корнетовъ!
 Равны мѣ писаря, уланы,
 Равны мнѣ каски, кивера;
 Не рвусь я грудью въ капитаны
 И не ползу въ ассессора.
 Друзья, немного снисхожденья!
 Отложите пестрый мнѣ колпакъ,
 Пока его за прегрѣшенья
 Не промѣнялъ я на шипакъ;
 Пока лѣнивому возможно,
 Не опасаясь грозныхъ бѣдъ,
 Еще рукой неосторожной
 Въ июль распахнуть жилетъ.

³⁾ См. «Матеріалы» Анненкова, стр. 42.

было вполне соответствовать его склонностямъ, ибо служба эта, въ то время почти номинальная, предоставляла много досуга ⁴⁾.

Лицейская жизнь смѣнилась для Пушкина жизнью въ семьѣ. Отецъ его, подобно многимъ другимъ Москвичамъ, послѣ разоренія Москвы Французами, не поселился въ ней снова. Къ тому же, въ эту пору младшій его сынъ находился въ Лицейскомъ Благородномъ Пансіонѣ. Это обстоятельство, равно какъ и совершеннолѣтіе дочери, звали его въ Петербургъ. Еще въ 1814 году оставивъ кратковременную комиссаріатскую службу свою въ Варшавѣ, онъ переселился въ Петербургъ на постоянное жительство, между тѣмъ какъ холостякъ братъ его, Василій Львовичъ, оставался вѣренъ Москвѣ. Но такъ какъ лицеистамъ не дозволялось оставлять Царскаго Села, то молодой Пушкинъ могъ видаться съ своими на короткое время, когда они пріѣзжали навѣщать его. Не ранѣе, какъ по выпускѣ изъ Лицея, снова вступилъ онъ въ семейный кругъ, за 6 лѣтъ до того имъ оставленный. Въ то время семья его состояла изъ отца, матери, старшей сестры, друга его дѣтства и брата Льва, который около 1817 года былъ перемѣщенъ изъ Лицейскаго пансіона въ Петербургъ въ Благородный пансіонъ, состояв-

⁴⁾ См. Дневникъ Чиновника въ Отеч. Запискахъ 1855, № 5, стр. 165 и проч. На службѣ своей Пушкинъ получалъ жалованья по 700 руб. въ годъ.

шій при Педагогическомъ Институтѣ. Тогда еще была въ живыхъ любимая бабушка Александра Сергѣевича, Марья Алексѣевна Ганнибалъ, которая имѣла такое поэтическое на него вліяніе въ лѣта младенчества. Любопытно было бы знать отношенія къ ней 18-лѣтняго Пушкина. Но намъ неизвѣстно навѣрное, жила ли она въ то время въ Петербургѣ. Знаемъ только, что около 1818 года она скончалась въ деревнѣ своей дочери, въ Михайловскомъ.

Михайловское, разстояніемъ почти на 400 верстъ отъ Петербурга, находится Псковской губерніи, въ Опочковскомъ уѣздѣ, въ 20 верстахъ отъ города *Новоржева*.

Туда отправились Пушкины на лѣто 1817 года всею семьей. Они ѣхали по большой дорогѣ на городъ Лугу, о чемъ упоминалъ Александръ Сергѣевичъ къ кому-то въ письмѣ, въ которомъ, вѣроятно, описывалъ это путешествіе и отъ котораго сохранились въ памяти одного изъ друзей его слѣдующіе забавные стихи:

Есть въ Россіи городъ Луга
 Петербургскаго округа;
 Хуже не было бѣ сего
 Городишки на примѣть,
 Если бѣ не было на свѣтѣ
Новоржева моего.

О Михайловскомъ мы будемъ имѣть случай говорить подробно въ послѣдствіи. Здѣсь слѣдуетъ замѣтить, что оно принадлежало къ числу многихъ помѣстій, которыми

Петръ Великій и Елисавета Петровна одарили любимца своего Ибрагима Ганнибала. Послѣ него Михайловское досталось меньшему его сыну, Осипу Абрамовичу, а по смерти сего послѣдняго перешло къ матери поэта, Надеждѣ Осиповнѣ. Въ 1817 году деревня эта состояла изъ нѣсколькихъ крестьянскихъ дворовъ и барской усадьбы съ небольшимъ домомъ, садомъ и лѣсамъ. Пушкину, который тогда впервые посѣтилъ этотъ уголокъ, нынѣ прославленный его именемъ, все должно было напоминать тамъ о его Африканскомъ происхожденіи. Не прошло еще и десяти лѣтъ, какъ въ Михайловскомъ умеръ его дѣдъ, осужденный Императрицею Екатериною на изгнаніе въ эту деревню за незаконный разводъ съ женою. Еще живы были преданія о его странномъ характерѣ. Можетъ быть, сохранялись тамъ старыя книги и бумаги самого Ибрагима, до конца дней занимавшагося науками ⁵⁾. Кру-

⁵⁾ См. Записки Болотова, въ Отеч. Запискахъ 1850 г., т. III, стр. 61, подъ 1753 годомъ: дядя Болотова учился наукамъ у Ганнибала. См. также въ Москвитянинѣ 1854 г. №№ 3-й и 4-й, статью г. Терещенко объ Астрахани, стр. 148, гдѣ говорится объ одномъ рукописномъ лѣчебникѣ, принадлежавшемъ Ганнибалу. Пушкинъ намѣревался описать жизнь своего прадѣда, о чемъ самъ говоритъ въ одномъ большомъ примѣчаніи къ 1-й главѣ Онѣгина. Разказы о немъ онъ передавалъ Бантышу-Каменскому (см. его Словарь, изд. 1836 г.). Изустныя преданія и письменные матеріалы

гомъ Михайловскаго разбросаны помѣстья другихъ многочисленныхъ потомковъ Арапа Ганнибала, которыхъ долженъ былъ посѣтить молодой ихъ родственникъ. Еще былъ въ живыхъ послѣдній изъ его сыновей Петръ Абрамовичъ, чернокожій старикъ съ сѣдыми волосами (одинъ изъ друзей поэта видалъ портретъ Петра Абрамовича у кого-то изъ Пушкиныхъ). О немъ конечно писалъ Пушкинъ, составляя въ 1824 году Записки свои, отъ которыхъ уцѣлѣлъ между прочимъ слѣдующій любопытный отрывокъ: «... попросилъ водки. Подали водку. Наливъ рюмку себѣ, велѣлъ онъ ее и мнѣ поднести; я не поморщился — и тѣмъ казалось чрезвычайно одолжилъ стараго Арапа. Черезъ четверть часа онъ опять попросилъ водки и повторилъ это разъ пять или шесть до обѣда....»⁶⁾

Въ Михайловскомъ же Пушкинъ вѣроятно свидѣлся и съ доброй нянею своею, Ариной Родионовной.

Гораздо позднѣе въ слѣдующихъ стихахъ вспоминалъ Пушкинъ это первое посѣщеніе Михайловскаго:

.....Въ разны годы
 Подъ вашу сѣнь Михайловскія роци
 Являлся я! когда вы въ первый разъ
 Увидѣли меня, тогда я былъ
 Веселымъ юношей. Безпечно, жадно
 Я приступалъ лишь только къ жизни.

для біографіи Ганнибала Пушкинъ могъ найти по преимуществу въ Михайловскомъ.

⁶⁾ См. въ «Матеріалахъ» Анненкова, стр. 43.

Сначала молодой поэтъ очень обрадовался деревнѣ. Ему новы были ея удовольствія. «Вышедъ изъ Лицея, говорить онъ въ другомъ отрывкѣ Записокъ своихъ, я тотчасъ почти уѣхалъ въ Псковскую деревню моей матери. Помню, какъ обрадовался сельской жизни, Русской банѣ, клубникѣ и пр., но все это нравилось мнѣ не надолго. Я любилъ и донинѣ люблю шумъ и толпу.» ⁷⁾

Жажда новыхъ ощущеній, впечатлѣній болѣе сильныхъ, столь понятная въ 18-ти-лѣтнемъ поэтѣ, звала его въ Петербургъ, куда Пушкины и возвратились въ октябрѣ 1817 года. ⁸⁾

Александръ Сергѣевичъ началъ жизнь самостоятельную и болѣе или менѣе независимую.

Прежде всего останавливаютъ наше вниманіе его сношенія съ тѣми писателями и любителями словесности, которые составляли знаменитое общество Арзамаса. Большая часть ихъ издавна были на пріятельской ногѣ съ семействомъ Пушкиныхъ, и мы уже знаемъ, какъ еще въ Лицеѣ они любовались талантомъ молодаго поэта. Особенно ласкали и любили его Карамзинъ, Жуковский и А. И. Тургеневъ. Извѣстно, съ какимъ участіемъ слѣдилъ за его успѣхами безсмертный исторіографъ, какъ ласково при-

⁷⁾ См. тамъ же.

⁸⁾ См. статью П. А. Плетнева: *Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ*, во 2-й книжкѣ Современника 1838 года, стр. 25, гдѣ именно указанъ октябръ мѣсяць.

нималъ его въ своей семьѣ, какъ удостоивалъ 16-лѣтняго школьника продолжительныхъ бесѣдъ, читалъ ему страницы труда своего, даже спрашивалъ мнѣнія, выслушивалъ и опровергалъ порою заносчивые и рѣзкіе отзывы его. А. И. Тургеневъ до конца оставался съ Пушкинымъ въ самыхъ пріязненныхъ отношеніяхъ и часто съ нимъ переписывался. ⁹⁾ Можетъ быть еще болѣе нѣжнаго вниманія и сердечнаго участія оказывалъ ему Жуковскій. Онъ подарилъ Пушкину свои стихотворенія, и уже тогда судилъ о достоинствѣ собственныхъ стиховъ, по скольку они запечатлѣвались въ памяти гениальнаго мальчика. Можно сказать положительно, что такое сближеніе дѣйствовало могущественно на Пушкина и окриляло его талантъ. Сознавая это, Пушкинъ сохранилъ къ Жуковскому неизмѣнную привязанность и благодарность. Еще въ Лицеѣ онъ отмѣчаетъ въ своихъ Запискахъ особенно памятное для себя событіе: *Жуковскій даритъ мнѣ свои стихотворенія.* ¹⁰⁾ Ту же при-

⁹⁾ См. Современникъ 1842, № 1, стр. 5, *Хроникѣ Русскаго въ Парижѣ*: Тургеневъ говоритъ объ одномъ письмѣ къ нему Пушкина изъ Бессарабіи, отъ 21-го августа 1821 года: «Письмо Пушкина не велико, но ноготокъ остеръ.»

¹⁰⁾ См. «Матеріалы» г. Анненкова, стр. 22. Отмѣтка писана до 8-го ноября 1815 года; а стихотворенія Жуковскаго (2 тома in 4°, первое рѣдкое изданіе) дозволены къ папечатанію ценсоромъ И. Тимковскимъ.

знательность выразилъ онъ въ посланіи къ Жуковскому, начинающемся такъ:

Благослови поэтъ! въ тиши Парнасской сѣни
Я съ трепетомъ склонилъ предъ Музами ко-
лѣни.

Посланіе написано въ началѣ 1817 года. Изъ него можно заключать, что общество Арзамасское тогда уже выбрало Пушкина въ сочлены свои. Его назвали *Сверчкомъ*¹¹⁾, ибо, по выраженію одного изъ Арзамасцевъ, «въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ Петербурга, спрятаннѣй въ стѣнахъ Лицея, прекрасными стихами уже подавалъ онъ оттуда свой звонкій голось.»

Избраніе это должно было льстить самолюбію Пушкина. Какъ сильно занимала его литературная распря, въ слѣдствіе которой возникъ Арзамасъ, видно изъ упомянутаго посланія къ Жуковскому. Еще гораздо прежде онъ съ любопытствомъ слѣдилъ за этимъ новымъ движеніемъ въ сло-

¹¹ Имена Арзамасцевъ заимствованы изъ балладъ Жуковскаго, такъ какъ мечь за Жуковскаго была одною изъ первоначальныхъ цѣлей общества; оттого имена Арзамасцевъ: *Кассандра*, *Ахиллъ*, *Громобой*, *Эолова арфа*, *Ивиковы Журавли*, *Чу!*, *Вотъ*, *Асмодей*, *Старушка*, *Рейнъ* и пр. Слово *Сверчокъ* взято изъ 5 строфы Свѣтланы:

Съ трескомъ пыхнулъ огонекъ,
Крикнулъ жалобно *сверчокъ*,
Вѣстникъ полуночи.

весности. Въ Лицейскихъ Запискахъ его, 1815 года, находимъ отмѣтку: «8-го ноября. Ш-овъ и г-жа Б-на (Шишковъ и Бунина) увѣнчали недавно кн. Шаховскаго лавровымъ вѣнкомъ....» Это было вскорѣ послѣ представленія *Липецкихъ водъ*, комедіи кн. Шаховскаго, въ которой литературные противники Жуковскаго видѣли свое торжество. Вѣсть о городскихъ событіяхъ видно скоро перелетала въ Царское Село. Вслѣдъ за этою помѣтою лицействъ заносить въ свой журналъ сатирическіе стихи на кн. Шаховскаго, которые г. Анненковъ невѣрно приписываетъ самому Пушкину. Стихи эти, сочиненные сообща Арзамасцами, тогда ходили по городу. Но тутъ же 16-лѣтній Пушкинъ излагаетъ собственное мнѣніе о Шаховскомъ, поразительное по безпристрастію, столь рѣдкому и не въ такомъ возрастѣ.

«Мои мысли о Шаховскомъ:

«Шах. никогда не хотѣлъ учиться своему искусству и сталъ посредственный стихотворецъ. Шах. не имѣетъ большаго вкуса; онъ худой писатель. Что же онъ такой? Неглупой человѣкъ, который, замѣчая все смѣшное или замысловатое въ обществахъ, пришедъ домой, все записываетъ и потомъ, какъ ни попало вклеиваетъ въ свои комедіи» ¹²⁾).

Вотъ когда еще обращалась въ умъ Пуш-

¹²⁾ См. «Матеріалы» г. Анненкова, стр. 23.

кина мысль о трудѣ и усовершенствованіи таланта!

Возвратимся къ Арзамасу.

Пушкинъ , къ сожалѣнію , успѣлъ одинъ только разъ принять участіе въ засѣданіяхъ этого полумушкетерскаго, но вполне литературнаго общества. То было, если не ошибаемся, въ послѣднихъ числахъ сентября, либо въ началѣ октября 1817 года. По обычаю, новый членъ Арзамаса произносилъ вступительную рѣчь. Протоколы засѣданій ведены были (и нерѣдко въ стихахъ) секретаремъ общества Свѣтланой, и если удѣляли эти драгоценные образцы остроумія и веселости, то тамъ конечно упомянуто о рѣчи, которую произнесъ Пушкинъ превосходными Александрійскими стихами. Въ памяти слушателей доселѣ свѣжо сохраняется начало ея:

Вънецъ желаніямъ! И такъ я вижу васъ,
О други смѣлыхъ Музъ, о дилъный Арзамасъ!

.....
Гдѣ славилъ нашъ Тиртей..... и Александра ¹³⁾,
Гдѣ смерть Захарову пророчила Кассандра.

Для объясненія послѣдняго стиха нужно сказать, что общество, по примѣру Французской Академіи, постановило произносить похвальные слова умершимъ членамъ; но такъ какъ въ Арзамасѣ не было покойниковъ, и всѣ члены его были *безсмертны*,

¹³⁾ Посланіе Пѣвца во станъ Русскихъ воиновъ къ Императору Александру I, было тогда предметомъ литературныхъ толковъ.

то положили брать умершихъ на прокатъ изъ Бесѣды Любителей Россійскаго Слова и Россійской Академіи. Легко представить, къ какимъ неистощимымъ шуткамъ давало это поводъ. Особенно памятно было похвальное слово, произнесенное Арзамасцемъ Кассандрою Бесѣднику Захарову, весьма посредственному писателю того времени; и какъ нарочно случилось, что нѣсколько дней спустя бѣдный Захаровъ въ самомъ дѣлѣ скончался.

Въ другомъ мѣстѣ своей рѣчи, рисуя портретъ Арзамасца, Пушкинъ говоритъ про него, что онъ

..... въ безпечномъ колпакѣ,
Съ гремушкой, лаврами и съ розгами въ рукѣ.

Этими немногими словами очерчены характеръ и направленіе Арзамасскаго общества.

Но оно, къ сожалѣнію, и можетъ быть къ несчастію Пушкина, скоро разсѣялось. То собраніе его, въ которомъ молодой поэтъ произнесъ Александрійскіе стихи свои, было послѣднее, по крайней мѣрѣ въ Петербургѣ. Члены Арзамаса и именно наиболѣе содѣйствовавшіе къ оживленію засѣданій, отозваны были изъ столицы разными обязанностями. Д. В. Дашковъ отправился въ Константинополь, Д. Н. (графъ) Блудовъ въ Лондонъ, оба по дипломатической службѣ, Жуковскій и А. И. Тургеневъ уѣхали въ Москву, куда въ то время переселился Дворъ.

Обстоятельство это, если не ошибаемся, имѣло вліяніе на судьбу Пушкина. Ближайшее знакомство, дружба и нравственное вліяніе членовъ Арзамаса, конечно спасли бы его отъ увлеченій, которымъ въ скоромъ времени онъ предался необузданно и которыя не разъ потомъ отзывались мучительными стопами раскаянія.

Между тѣмъ служба, какова бы она ни была, въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, а всего болѣе родственныя и общественныя связи отца открывали молодому Пушкину входъ въ лучшіе кружки большаго свѣта. Сюда относятся родственныя отношенія и знакомство его съ графами Бутурлиными и Воронцовыми, съ князьями Трубецкими, графами Лаваль, Сушковыми и проч. Такъ извѣстно по преданію, что въ эту пору своей жизни Пушкинъ появлялся на блестящихъ вечерахъ и балахъ у графа Лавалья. Супруга сего послѣдняго, любительница словесности и всего изящнаго, съ удовольствіемъ видала у себя молодаго поэта, который однако и въ то время уже тщательнo скрывалъ въ большомъ обществѣ свою литературную извѣстность, и не хотѣлъ ничѣмъ отличатся отъ обыкновенныхъ свѣтскихъ людей, страстно любя танцы и балы. Такъ знаемъ еще, что во второй половинѣ 1817 года онъ нерѣдко посѣщалъ одну знатную даму, которая привлекала его вниманіе страннымъ образомъ жизни и занятій своихъ, стремительностью характера и мечтательностію. Карамзинъ писалъ о немъ

въ это время къ одному пріятелю, уѣхавшему въ Москву: «Пушкинъ влюбленъ въ Пиеію (такъ называлась въ обществѣ эта дама); онъ передъ нею прыгаетъ, коверкается, но къ сожалѣнію не пишетъ ей стиховъ.» Пушкинъ страстно любилъ нѣкоторое время бальные вечера, описанію которыхъ посвящено у него нѣсколько строфъ въ первой главѣ Онегина, гдѣ между прочимъ читаемъ:

Во дни веселій и желаній
Я былъ отъ баловъ безъ ума;
Върнѣй нѣтъ мѣста для признаній
И для врученія письма.

Впрочемъ большой свѣтъ скоро наскучилъ поэту, какъ самъ онъ говоритъ въ Посланіи къ Лицейскому товарищу князю Г., которое весьма замѣчательно и въ историческомъ отношеніи, ибо въ немъ живо изображена картина тогдашняго большаго свѣта:

И признаюсь, мнѣ во сто кратъ милѣе
Младыхъ повѣсь щастливая семья,
Гдѣ умъ кипитъ, гдѣ въ мысляхъ волея я,
Гдѣ спорю въ слухъ, гдѣ чув твоя сильнѣе,
И гдѣ мы всѣ прекраснаго друзья;
Чѣмъ вялое, бездушное собранье,
Гдѣ умъ хранить незольное молчанье,
Гдѣ холодомъ сердца поражены ¹⁴⁾.

Пушкинъ не замедлилъ пристать къ этой «семьѣ молодыхъ повѣсь.» Въ теченіи полугода

¹⁴⁾ Посланіе это не вошло въ собраніе сочиненій Пушкина. Съ весьма забавными искаженіями оно напечатано въ Раутъ г. Сушкова, кн. III. М. 1854, стр. 248—9.

съ ненасытностью Африканской природы своей, предавался онъ пылу страстей. Это время его жизни вполне объясняется свойствами его впечатлительной души. Но конечно большое вліяніе имѣло на него направление эпохи. Можетъ быть никогда на Руси не были въ такомъ ходу шумныя сборища, заносчивыя рѣчи. Молодежь, побывавшая во Франціи, свидѣтельница и участница Русской славы и недавнихъ побѣдъ, какъ бы охмѣлѣла отъ радости. Въ началѣ 8-й главы Онягина, въ тѣхъ строфахъ, которыя можно назвать поэтической автобіографіею Пушкина, такъ описывается то время:

И я, въ законъ себѣ вмѣняя
 Страстей единый произволъ,
 Съ толпою чувства раздѣляя,
 Я Музу рѣзвую привелъ
 На шумъ пировъ и буйныхъ споровъ,
 Грозы полуночныхъ дозоровъ:
 И къ нимъ въ безумные пиры
 Она несла свои дары,
 И какъ Вакханочка рѣзвилась,
 За чашей пѣла для гостей,
 И молодежь минувшихъ дней
 За нею буйно волочилась,
 И я гордился межъ друзей
 Подругой ветреной моей.

Много было тогда друзей у Пушкина. Къ большей части ихъ отнесъ онъ въ послѣдствіи 19- строфу въ четвертой главѣ Онягина и извѣстное четверостишіе:

Что дружба? Легкій пылъ похмѣлья,
Обиды вольный разговоръ,
Обмѣнъ тщеславія, бездѣлья,
Иль покровительства позоръ!

Немногіе изъ тогдашнихъ пріятелей Пушкина постигнули его, и, умѣвъ привязать къ себѣ, остались любезны его сердцу. Сюда принадлежать въ особенности офицеры гвардіи Павелъ Петровичъ *Каверинъ*, воспитанникъ Геттингенскаго университета, бывшій адъютантъ Бенигсгена и участникъ послѣднихъ войнъ, подружившійся съ Пушкинымъ еще въ Царскомъ Селѣ, и Николай Ивановичъ *Кривцовъ*, славный своими ранами и плѣномъ въ Москвѣ, гдѣ онъ лежалъ вмѣстѣ съ больными Французами, коимъ послѣ спасъ жизнь, человѣкъ, душевныя качества котораго будутъ достаточно описаны, если скажемъ, что онъ былъ друженъ съ Карамзинымъ и велъ съ нимъ постоянную переписку; далѣе офицеръ генеральнаго штаба Михаилъ Андреевичъ *Щербиинъ*, потомъ Василій Васильевичъ *Энгельгардъ*, извѣстный въ Петербургѣ своею открытою жизнью, и богатые холостяки братья Александръ и Никита Всеволодовичи *Всеволожскіе*, собиравшіе у себя въ домѣ веселое общество, которое называлось *Зеленою лампою*, и др. Имена ихъ Пушкинъ увѣковѣчилъ своими посланіями ¹⁵⁾. Къ послѣднему онъ писалъ изъ Бессарабіи:

¹⁵⁾ Къ Каверину Пушкинъ написалъ посланіе въ 1817 году: *Забудь, любезный мой Каверинъ*, и

Горишь ли ты, лампада наша,
 Подруга бдѣній и пировъ?
 Кипишь ли ты, золотая чаша,
 Въ рукахъ веселыхъ остряковъ?
 Всѣ тѣ же ль вы, друзья веселья,
 Друзья Киприды и стиховъ?
 Часы любви, часы похмѣлья
 По прежнему ль летятъ па зовъ
 Свободы, лѣни и бездѣлья?
 Въ изгнаньи скучномъ каждый часъ,
 Горя завистливымъ желаньемъ,
 Я къ вамъ лечу воспоминаемъ,
 Воображаю, вижу васъ.
 Вотъ онъ, пріютъ гостепріимный

.....

Гдѣ своенравный произволъ
 Мѣнялъ бутылки, разговоры,
 Разказы, пѣсни шалуна,
 И разгарались наши споры
 Отъ искръ и шутокъ и вина.

пр.; о немъ же говорится въ XVI-й строфѣ I-й главы Онегина. Къ Кривцову написаго два посланія, первое въ 1818 г., когда Кривцовъ уѣзжалъ въ Англію, и Пушкинъ посылалъ ему на дорогу какую-то поэму Вольтера, — *Когда сожмешь ты снова руку*, и пр.; другое въ 1819 г.: *Не пузай насъ милый другъ* и пр. Щербинину въ 1818 г. написаго въ Альбомъ стихотвореніе: *Житъе тому, любезный другъ*, и пр. Къ Энгелгарду въ 1818 г. пославіе: *Я ускользнулъ отъ Эскулапа* и пр.; къ одному изъ Всеволожскихъ въ 1819 г. при отъѣздѣ его въ Москву: *Прости, счастливый сынъ пировъ*, и пр.

Я слышу, вѣрные поэты,
 Вашъ очарованный языкъ.....
 Налейте мнѣ вина кометы!
 Желай мнѣ здравія, Калмыкъ!» ¹⁶⁾

Какъ ни крѣпка была физическая организація Пушкина, но она не вынесла безпорядочной жизни. Въ началѣ слѣдующаго 1818 года онъ отчаянно занемогъ. Самъ онъ упоминаетъ объ этой болѣзни въ своихъ Запискахъ:

«Болѣзнь остановила на время образъ жизни, избранный мною. Я занемогъ гнилою горячкою. Лейтонъ за меня не отвѣчалъ. Семья моя была въ отчаяніи; но черезъ 6 недѣль я выздоровѣлъ. Сія болѣзнь оставила во мнѣ впечатлѣніе пріятное. Друзья навѣщали меня довольно часто; ихъ разговоры сокращали скучные вечера. Чувство выздоровленія одно изъ самыхъ сладостныхъ. Помню нетерпѣніе, съ которымъ ожидалъ я весны, хоть это время года обыкновенно наводитъ на меня тоску и даже вредитъ моему здоровью. Но душный воздухъ и закрытыя окна такъ мнѣ надоѣли во время болѣзни моей, что весна являлась моему воображенію со всей поэтической своей пре-

¹⁶⁾ Посланіе напечатано въ «Матеріалахъ» г. Анненкова, стр. 187. Намекъ, заключающійся въ послѣднемъ стихѣ, дѣя казъ непонятенъ. Въ письмѣ къ брату, изъ Кишинѣва, отъ 27-го іюня 1822 г., Пушкинъ поручаетъ ему повидаться съ Всеволожскимъ и *пожелать здравія Калмыку.*

лестью. Это было въ февралѣ 1818 года. Первые 8 томовъ Русской исторіи Карамзина вышли въ свѣтъ. Я прочелъ ихъ въ своей постели съ жадностью и со вниманіемъ.»

Крѣпкое сложеніе и молодость возвратили Пушкина къ жизни. Однако необходимо было употребить мѣры чрезвычайныя для его излеченія. Придворный медикъ Лейтонъ сажалъ больного въ ванну со льдомъ.

Одно изъ дружескихъ посвѣщеній, о коихъ упоминаетъ Пушкинъ, описано еще при его жизни знакомцемъ его, Васильемъ Андреевичемъ Эртелемъ, извѣстнымъ составителемъ Французско-Русскаго Словаря и другихъ учебныхъ книгъ. Эртель былъ пріятель Баратынскаго и Дельвига. Сей послѣдній привелъ его къ Пушкину весною 1818 года, когда поэтъ уже выздоравливалъ. Пушкины жили тогда на Фонтанкѣ, близъ Калинкина моста, въ небольшомъ каменномъ домѣ о 2-хъ этажахъ, принадлежавшемъ г. Клокачеву (послѣ сенатору Трофимову). Поэтъ занималъ небольшую комнатку въ бельэтажѣ. Въ одно утро навѣстили его Дельвигъ, Баратынскій и Эртель.

«Мы взошли на лѣстницу—разказываетъ сей послѣдній, — слуга отворилъ двери, и мы вступили въ комнату Пушкина. У дверей стояла кровать, на которой лежалъ молодой человекъ въ полосатомъ бухарскомъ халатѣ, съ ериолкою на головѣ. Возлѣ постели, на столѣ лежали бумаги и книги. Въ комнатѣ соединялись признаки жилища молодого свѣтскаго человека съ поэтическимъ

безпорядкомъ ученаго. При входѣ нашемъ Пушкинъ продолжалъ писать нѣсколько минутъ, потомъ, обратясь къ намъ, какъ будто уже зналъ кто пришелъ, подалъ обѣ руки моимъ товарищамъ, съ словами: «Здравствуйте, братцы!» Вслѣдъ за симъ онъ сказалъ мнѣ съ ласковою улыбкою: «Я давно желалъ знакомства съ вами, ибо мнѣ сказывали, что вы большой знатокъ въ винѣ, и всегда знаете, гдѣ достать лучшія устрицы.» Я не зналъ, радоваться ли мнѣ этому привѣтствію, или сердиться за него, однакожь отвѣчалъ съ усмѣшкою: «развѣ вы думаете, что способность ощущать физическія наслажденія, опредѣлять истинное ихъ достоинство, и гармонически соединять ихъ, истекаетъ изъ того же источника, какъ и нравственное чувство изящнаго, которое вѣроятно по сей причинѣ на всѣхъ языкахъ означается однимъ и тѣмъ же словомъ: *вкусъ*? По крайней мѣрѣ въ отношеніи къ себѣ, я нахожу такое мнѣніе совершенно правильнымъ; ибо иначе не могъ бы съ такимъ удовольствіемъ читать ваши прелестныя произведенія.» Такъ какъ П. увидѣлъ, что я могу судить не объ однихъ винѣ и устрицахъ, то разговоръ обратился скоро къ другимъ предметамъ. Мы говорили о древней и новой литературѣ и остановились на новѣйшихъ произведеніяхъ. Сужденія Пушкина были вообще кратки, но мѣткі; и даже когда они казались несправедливыми, способъ изложенія ихъ былъ такъ остроуменъ и блистателенъ, что трудно было до-

казать ихъ неправильность. Въ разговорѣ егъ замѣтна была большая склонность къ насмѣшкѣ, которая часто становилась язвительною. Она отражалась во всѣхъ чертахъ лица его, и думаю, что онъ способенъ возвыситься до той истинно-поэтической ироніи, которая подымается надъ ограниче-ною жизнью смертныхъ, и которой мы столько удивляемся въ Шекспирѣ. Хозяинъ нашъ оканчивалъ тогда романтическую свою поэму. Я зналъ уже изъ нея нѣкоторые отрывки, которые совершенно плѣнили меня, и исполнили нетерпѣніемъ узнать цѣлое. Я высказалъ это желаніе; товарищи мои присоеди-нились ко мнѣ, и Пушкинъ принужденъ былъ уступить нашимъ усиленнымъ просьбамъ, и прочесть свое сочиненіе. Оно было истинно превосходно ¹⁷⁾.)»

¹⁷⁾ См. Русскій Альманахъ на 1832 и 1833 г., изд. въ Спб. В. Эртелемъ и А. Глѣбовымъ, стр. 298—300, въ ст. тѣхъ подъ заглавіемъ *Выписка изъ бумагъ дяди Александра*, въ которой между прочимъ сообщены довольно занимательныя подробности о Дельвигѣ и Баратынскомъ. Разумѣется, имена поэтовъ обозначены первыми буквами, напр. А. С. П., Б. А. А. Д. и пр.; но нѣтъ возможности не угадать ихъ. Замѣчательно, что весь Русскій Альманахъ тогда же появился въ С.-Петербурѣ на Нѣмецкомъ языкѣ: *Russischer Almanach für 1832 und 1833*, von W. Oertel und A. Ghebow. О томъ, что Выписка изъ бумагъ дяди Александра есть произведеніе Эртеля, см. 2-ю статью г. Гаевскаго о *Дельвигѣ*. *Современникъ*, 1853 г., майская книжка, стр. 29.

Надо замѣтить, что еще долго спустя послѣ болѣзни Пушкинъ ходилъ обритый и въ ермолкѣ. Видавшіе его въ то время помнятъ, что онъ носилъ широкій черный фракъ съ нескошенными фалдами, à l'américaine и шляпу, съ прямыми полями à la Bolivar, о которой послѣ упомянулъ онъ, описывая нарядъ Онѣгина. Тогда же началъ онъ носить длинные ногти, привычка, которой онъ не измѣнялъ до конца, любя щеголять своими изящными пальцами.

Шестинедѣльная болѣзнь Пушкина оставила по себѣ память въ двухъ прекрасныхъ стихотвореніяхъ его, элегіи *Выздоровленіе* и посланіи къ В. В. Энгельгардту:

Я ускользнулъ отъ Эскулапа,
худой, обритый, но живей

Элегія написана, если не ошибаемся, подъ вліяніемъ Батюшкова, котораго *Опыты въ прозѣ и стихахъ* появились незадолго передъ тѣмъ и конечно съ увлеченіемъ были прочитаны Пушкинымъ. По крайней мѣрѣ эта элегія живо напоминаетъ стихотвореніе Батюшкова подъ тѣмъ же заглавіемъ ¹⁸⁾. Пуш-

¹⁸⁾ См. въ Смирдинскомъ изданіи сочиненій Батюшкова, ч. 2, стр. 36.

Но ты приблизилась, о жизнь души моей,
И алыхъ устъ твоихъ дыханье,
И слезы пламенемъ сверкающихъ очей,
И поцѣлуевъ сочетанье,
И вздохи страстные, и сила милыхъ словъ,
Мнѣ изъ области печали,
Отъ Орковыхъ полей, отъ Леты береговъ
Для сладострастія призвали.

кинъ въ ней разказываетъ , какъ одна дѣвушка, въ военномъ нарядѣ, приходила навѣстить его во время болѣзни, что по всему вѣроятно связано съ дѣйствительнымъ случаемъ.

Посланіе къ Энгельгардту, которое г. Анненковъ ошибочно отнесъ къ 1819 году оканчивается стихами:

Отъ суеты столицы праздной,
 Отъ хладныхъ прелестей Невы,
 Отъ вредной сплетницы молвы,
 Отъ скуки столь разнообразной,
 Меня зовутъ холмы, луга,
 Тѣнисты клены огорода,
 Пустынной рѣчки берега
 И деревенская свобода.

.....

На этотъ разъ сельская жизнь Пушкина въ поэтическомъ отношеніи была плодотворнѣе прошлогодней. Доселѣ онъ говорилъ о себѣ:

Меня покинулъ тайный геній
 И вымысловъ и сладкихъ думъ;
 Любовь и жажда наслажденій
 Однѣ преслѣдуютъ мой умъ.

Теперь, въ сельскомъ уединеніи Михайловскаго, онъ какъ бы отдыхалъ душою отъ прошедшаго, и совершенно оправившись въ здоровьѣ, снова занялся поэтическимъ трудомъ своимъ. Большая часть Руслана и Людмилы написана, если мы не ошибаемся, лѣтомъ 1818 года, въ Михайловскомъ. Какъ извѣстно, Пушкинъ началъ это произведеніе еще въ Лицеѣ и говорятъ, какіе-то

стихи изъ Руслана и Людмилы долго сохранялись на стѣнахъ Лицейскаго карцера. Изъ одного отрывка, уцѣлѣвшаго отъ его Лицейскихъ мемуаровъ, оказывается, что еще въ декабрѣ 1815 года онъ намѣревался писать проическую поэму: *Игорь и Ольга*. Г. Анненковъ высказываетъ предположеніе, что мысль такой поэмы внушена была Пушкину Жуковскимъ, который въ то время задумывалъ поэму *Ольга*, въ подражаніе Вальтеръ-Скоттовой *Дѣвѣ Озера*. Кажется, что это предположеніе можетъ быть въ равной степени отнесено и къ Руслану и Людмилѣ. Вообще мысль о поэмѣ, которая содержаніе свое заимствовала бы изъ древней Русской исторіи и Русскаго быта, была въ то время въ большомъ ходу. Покойный графъ Уваровъ совѣтывалъ Жуковскому написать поэму изъ нашей исторіи; Батюшковъ публично вызывалъ его къ тому ¹⁹⁾.

¹⁹⁾ См. въ *Сынѣ Отечества* 1814 года (№ 35) большее примѣчаніе Батюшкова къ извѣстному письму его о сочиненіяхъ Муравьева. Письмо это было подписано буквами К. О. Б. А. Многія примѣчанія его не попали въ собраніе сочиненій Батюшкова. «Онъ (т. е. Жуковскій) долженъ непременно избрать періодъ отъ рожденія Славянскаго народа до раздѣленія княжествъ по смерти Владиміра. Мы пожелаемъ съ г. Уваровымъ, чтобы авторъ Пѣвца во станѣ Русскихъ воиновъ, Двѣнадцати Спящихъ Дѣвъ и проч., поэтъ, который умѣетъ соединять пламенное, часто своенравное воображеніе съ необыкновеннымъ искусствомъ писать, посвятилъ

Еще гораздо раньше Жуковский дѣйствительно имѣлъ намѣреніе приняться за поэму *Владимиръ*, о чемъ много говорили въ то время ²⁰⁾. Еще въ началѣ 1814 года въ посланіи своемъ къ Воейкову онъ набросалъ нѣкоторыя черты будущей поэмы. Развить ихъ въ большое и цѣльное произведеніе Жуковский по всему вѣроятію предоставилъ молодому другу своему.

Осенью 1818 года Пушкинъ привезъ въ Петербургъ уже почти готовую поэму. По крайней мѣрѣ вчернѣ она была вѣроятно вся написана. Оставался только трудъ окончательной отдѣлки, которымъ и занялся онъ въ послѣдніе мѣсяцы этого года. Поэма быстро подвигалась къ окончанію, и Пушкинъ прочитывалъ пѣсно за пѣсно на вечерахъ у Жуковского.

По возвращеніи своемъ изъ деревни, Пушкинъ нашелъ въ Петербургѣ Жуковского, съ которымъ не видался онъ около года и который, получивъ отъ Императрицы Маріи Ѳеодоровны лестное порученіе преподавать Русскій языкъ Августѣйшей Ея Невѣсткѣ, жилъ до того времени въ Москвѣ, при Высочайшемъ Дворѣ. Однако

жизнь свою на произведенія такого рода для славы отечества (которое умѣетъ чувствовать его заслуги) и не истощилъ бы своего безцѣннаго таланта на блестящія бѣздылки.»

²⁰⁾ См. печатное о томъ извѣстіе въ статьѣ Греча о произведеніяхъ Русской Словесности 1817 года, Сынъ Отеч. 1818, № 1.

сношенія между поэтами продолжались, оставивъ живой слѣдъ въ тогдашней поэтической дѣятельности Пушкина. Въ 1817 году, въ Москвѣ при августовской книжкѣ Вѣстника Европы появился портретъ Жуковскаго ²¹⁾, и Пушкинъ сочинилъ извѣстную надпись къ нему, которая доселѣ заключаетъ въ себѣ и лучшую похвалу, и лучшую оцѣнку поэзіи Жуковскаго ²²⁾.

Его стиховъ пльвнительная сладость....

Жуковскій печаталъ въ Москвѣ прелестные переводы свои съ Нѣмецкаго, выдавая ихъ, вмѣстѣ съ подлинниками, отдѣльными тетрадками, которыя носили названіе: *Для немногихъ* (Für Wenige). Они вѣроятно были посланы къ Пушкину въ Петербургъ, и дали ему поводъ написать посланіе къ Жуковскому, гдѣ выражено глубокое уваженіе къ независимости и самостоятельности поэтическаго дарованія его ²³⁾.

²¹⁾ Эготъ же портретъ послѣ былъ приложенъ къ собранію Образцовыхъ Сочиненій.

²²⁾ Въ Вѣстникѣ Европы еще прежде напечатаны были три надписи къ портрету Жуковскаго, одна Батюшковъ, другая В. Л. Пушкина, третья Н. Д. Иванчина-Писарева. Последняя находится подъ портретомъ. Надпись Пушкина появилась въ Петербургѣ, въ новомъ Журналѣ Измайлова, Благозамѣрномъ, въ 3-й части.

²³⁾ Эго посланіе написано, по всему вѣроятію, весною 1818 года; заключаемъ о томъ по заключительнымъ его стихамъ, которые Пушкинъ въ послѣдствіи самъ откинулъ, желая придать большую стройность своему стихотворенію.

Дружба двухъ поэтовъ особенно утвердилась съ той поры, какъ они снова свидѣлись, осенью 1818 года. Эта дружба, уже никогда не ослабѣвавшая, не измѣняемая никакими обстоятельствами, была для Пушкина драгоцѣнна во всѣхъ отношеніяхъ. Не даромъ онъ называлъ Жуковского *пѣстуномъ и хранителемъ своей музы* ²⁴⁾. Жуковский прощалъ молодому другу своему всё его увлеченія и шалости, и по свидѣтельству современниковъ, баловалъ Пушкина. Последнему приписывали какую-то эпиграмму на него; но чего ему не приписывали? Пародіи Двѣнадцати Спящихъ Дѣвъ въ IV пѣснѣ Руслана и бѣлыхъ стиховъ Жуков-

Смотри, какъ пламенный поэтъ,
Вниманьемъ сладкимъ упоенный,
На свитокъ гения склоненный,
Читаетъ повѣсть древнихъ лѣтъ!

.
И благодарными слезами
Карамзину приноситъ онъ
Живой души благодаренье
За мигъ восторга золотой,
За благотворное забвенье
Безплодной суеты земной:
И въ немъ трепещетъ вдохновенье.

Чтеніемъ Исторіи Карамзина Пушкинъ занимался въ началѣ 1818 года, во время выздоровленія отъ болѣзни, какъ самъ говоритъ о томъ въ Запискахъ своихъ.—Посланіе въ первоначальномъ полномъ видѣ явилось лишь въ 1821 году, въ № 52 Сына Отечества.

²⁴⁾ Въ IV пѣснѣ Руслана и Людмилы.

скаго ²⁵⁾, были только шуткою, которой самъ Жуковскій сердечно радовался. Про первую изъ нихъ Пушкинъ однако писалъ въ послѣдствіи: «За пародію Двѣнадцати Спящихъ Дѣвъ можно было меня пожурить порядкомъ, какъ за недостатокъ эстетическаго чувства. Непростительно было (особенно въ мои лѣта) пародировать, въ угожденіе черни, дѣвственное поэтическое созданіе.»

Мы упомянули, что съ первымъ большимъ произведеніемъ своимъ Русланомъ и Людмилою, Пушкинъ постепенно знакомилъ пріятелей своихъ и любителей словесности на вечерахъ у Жуковскаго. Вечера эти доселѣ памятны лицамъ, имѣвшимъ счастье на нихъ присутствовать. Жуковскій жилъ тогда въ семействѣ деревенскаго друга своего А. А. Плещеева ²⁶⁾, въ Коломнѣ у Кашина моста, за каналомъ, въ угловомъ домѣ. Не смотря

²⁵⁾ Послушай, дѣдушка, мнѣ каждый разъ,
Когда взгляну на этотъ замокъ Ретлеръ,
Приходитъ въ мысль, что если это проза,
Да и дурная?...

См. Стихотвореніе Жуковскаго: *Тльность*, появившееся впервые въ 3 номерѣ: *Для немилыхъ*. Слич. мнѣніе Пушкина о бѣлыхъ стихахъ т. VI его Сочиненій стр. 110.

²⁶⁾ А. А. Плещеевъ славился необыкновеннымъ искусствомъ читать, и былъ въ некоторое время чтецемъ при Государынѣ Маріи Феодоровнѣ. О немъ см. невошедшее въ Собраніе сочиненій Жуковскаго письмо о Саксоніи, въ Московскомъ Телеграфѣ 1827 г., ч. XIII, стр. 26—28.

на отдаленное положеніе этой части города, каждую субботу собирався къ Жуковскому избранный кружокъ писателей и любителей просвѣщенія, чтобы въ дружеской бесѣдѣ и въ высокихъ удовольствіяхъ ума и сердца отдыхать отъ трудовъ недѣли. «Было что-то рѣдкое въ этомъ братствѣ и общеніи лучшихъ талантовъ и лучшихъ умовъ столицы, говорить одинъ изъ младшихъ участниковъ этихъ литературныхъ собраній²⁷⁾. Разговоръ естественно склонялся на то, чѣмъ преимущественно занимались гости. Совершенство произведеній ума и вкуса столько же у всѣхъ было на сердцѣ, какъ слава и благосостояніе отечества. Писатели, уже пользовавшіеся общимъ уваженіемъ, и молодые люди, едва выступившіе на свое поприще, но увѣнчанные надеждою, всѣ съ одинаковою откровенностью высказывали мысли свои, потому что равно любили искусство и искали только истины.» Къ числу молодыхъ людей, появлявшихся на вечерахъ Жуковского принадлежали между прочимъ Дельвигъ и П. А. Плетневъ, еще въ то время начавшій свое знакомство съ Пушкинымъ. Тутъ же вѣроятно бывалъ и Баратынскій, котораго Жуковскій такъ рано отличилъ и замѣтилъ и который въ мартѣ 1818 года, опредѣлился въ гвардейскій егерскій полкъ. Дружба Баратынскаго съ Пушкинымъ началась именно въ это время.

²⁷⁾ П. А. Плетневъ, въ книжкѣ своей о жизни и сочиненіяхъ Василя Андреевича Жуковскаго, Спб. 1853, стр. 41—42.

Молодой Пушкинъ оживлялъ эти собранія столько же стихами своими, какъ и неистощимою веселостью и устроуміемъ, въ которомъ никогда не было у него недостатка. Надо замѣтить, что Жуковскій, строгій наблюдатель чистоты и порядка во всѣхъ своихъ вещахъ и особенно въ бумагахъ, когда приходилось ему исправлять стихи свои, уже перебѣленные, чтобы не марать рукописи, наклеивалъ на исправленномъ мѣстѣ полосу бумаги съ новыми стихами. Самъ онъ рѣдко читалъ вслухъ свои произведенія и обыкновенно поручалъ это другимъ. Разъ, кто-то изъ чтецовъ, которому прежніе стихи нравились лучше новыхъ, сорвалъ бумажку и прочелъ по старому. Въ эту самую минуту Пушкинъ, посреди общей тишины, съ ловкостью подлѣзаетъ подъ столъ, достаетъ бумажку и кладя ее въ карманъ, преважно говоритъ: «Что Жуковскій бросаетъ, то намъ еще пригодится» ²⁸⁾.

Мы не знаемъ всю ли поэму свою прочиталъ Пушкинъ на вечерахъ у Жуковского, или только нѣкоторыя ея пѣсни. По преданію, уже не разъ сообщенному публикѣ, извѣстно, что на одномъ изъ этихъ вечеровъ Жуковскій поднесъ Пушкину литографированный портретъ свой съ надписью: *Ученику-побѣдителю отъ побѣжденнаго учителя въ высокоторжественный день оконча-*

²⁸⁾ За сообщеніе этого свѣдѣнія обязаны мы очевидцу, П. А. Плетневу.

ніа *Руслана и Людмилы* ²⁹⁾. Разумѣется, все это было сдѣлано съ веселою шуткою, и смѣшно выводить отсюда какія-либо серьезныя заключенія. Ни малѣйшаго соперничества никогда не существовало между двумя поэтами, которые одарены были различными, но равно самобытными талантами. Побѣда заключалась только въ томъ, что общее вниманіе публики и увлеченіе любителей словесности перешло отъ Жуковского къ молодому его другу. Жуковскій подаркомъ своимъ выразилъ общее сочувствіе гостей, съ восхищеніемъ внимавшихъ звукамъ новой, плѣнительной поэзіи.

Въ числѣ сихъ послѣднихъ находился и Батюшковъ, уже страдавшій тяжкою болѣзнію, и въ то время собиравшійся за границу, тщетно искавъ исцѣленія въ полуденномъ краю Россіи. Сказываютъ, что на упомянутомъ вечерѣ у Жуковского онъ съ необыкновеннымъ вниманіемъ слушалъ новую поэмю и казалось былъ пораженъ неожиданностью и новостью впечатлѣнія. Г. Аяненковъ сообщаетъ ³⁰⁾, будто еще прежде Батюшковъ судорожно сжалъ въ рукахъ листокъ бумаги, на которомъ читалъ посланіе Пушкина къ Ю. (Юрьеву): *Поклонникъ въ*

²⁹⁾ См. *Соврем.* 1838 г. № 2, стр. 27. Портретъ этотъ, если не ошибаемся, принадлежитъ къ непоступавшему въ продажу собранію портретовъ Русскихъ людей, и писанъ извѣстнымъ художникомъ Дау.

³⁰⁾ «Матеріалы», стр. 55.

тренныхъ Лаисъ и пр. и проговорилъ: «О! какъ сталъ писать этотъ злодѣй!» Тѣмъ же не менѣе въ письмѣ Батюшкова къ А. И. Тургеневу изъ Неаполя, отъ 24-го марта 1819 г., читаемъ: «Просите Пушкина именемъ Аріоста, выслать мнѣ свою поэму, исполненную красотъ и надежды, если онъ возлюбитъ славу паче разсвѣнія» ³¹⁾.

Слава молодого поэта быстро распространилась, и уже не въ отдѣльныхъ только кружкахъ, но по всему городу. «Отъ великолѣпнѣйшаго салона вельможъ до самой нецеремонной пирушки офицеровъ, свидѣтельствуемъ П. А. Плетневъ — вездѣ принимали его съ восхищеніемъ, питая и собственную и его суетность этою славой, которая такъ неотступно слѣдовала за каждымъ его шагомъ.» ³²⁾ Люди читающіе увлечены были прелестью его поэтического дарованія; другіе на перерывъ повторяли его остроты и эпиграммы, разказывали его шалости. Между тѣмъ самъ онъ безпечно расточалъ богатство души своей. Братъ его, Левъ Сергѣевичъ, въ своей, къ сожалѣнію столь краткой о немъ запискѣ, ³³⁾ говоритъ, что «его поочередно влекли къ себѣ то большой свѣтъ, то шумные пиры, то закулисные тайны.» Симъ послѣднимъ нѣкоторое

³¹⁾ Соч. Батюшкова, изд. Смирдина ч. I, стр. 359. Вечеръ у Жуковского былъ, если не ошибаемся, въ самомъ началѣ 1819 г.

³²⁾ Современникъ 1838 г., № 2, стр. 25.

³³⁾ Москвитянинъ 1853 г., № 10, стр. 51.

время жертвовалъ онъ большею частью своего досуга. Особенно занимали его балетные спектакли, и шесть блестящихъ строфъ въ первой главѣ Онѣгина свидѣтельствуютъ о тогдашней страсти его къ театру, и о томъ, какъ плѣняла его славная Истомина. Впослѣдствіи, живя въ Кишеневѣ, онъ требовалъ отъ брата извѣстій о театрѣ. «Пиши мнѣ, говоритъ онъ въ письмѣ отъ 30-го января 1823 г., о Дидло, объ Черкешенкѣ Истоминой, за которой когда-то я волочился подобно Кавказскому Плѣннику.» Доступъ къ закулиснымъ тайнамъ былъ ему открытъ между прочимъ по знакомству съ директоромъ Петербургскаго театра, кн. А. А. Шаховскимъ. Литературная вражда сего послѣдняго съ членами Арзамасскаго общества въ то время уже затихла, и такъ какъ она никогда не переходила во вражду личную, то Пушкину не представлялось никакихъ затрудненій сблизиться съ знаменитымъ комикомъ. Ихъ познакомилъ общій пріятель, П. А. Катенинъ, сохранившій въ Запискахъ своихъ разговоръ, бывшій у него съ Пушкинымъ, когда они оба возвращались ночью въ саняхъ отъ кн. Шаховскаго. «Savez-vous, сказалъ Пушкинъ; qu'il est très bon homme au fond? Jamais je ne croirai qu'il ait voulu nuire sérieusement à Ozerow, ni à qui que ce soit. — «Vous l'avez cru pourtant, отвѣчалъ Катенинъ, Vous l'avez écrit et publié; voila le mal.» Heureusement, возразилъ Пушкинъ, personne n'a lu ce barbouillage d'écolier; pensez vous qu'il en sache

quelque chose?—Non; car il ne m'en a jamais parlé» — Tant mieux, faisons comme lui, et n'en parlons jamais.»³⁴⁾ Пушкинъ очень былъ доволенъ новымъ знакомствомъ, и впоследствии писалъ къ Катенину, упоминая объ одномъ мѣстѣ изъ Андромахи, сочиненіи сего послѣдняго: «Оно мнѣ живо напомнило одинъ изъ лучшихъ вечеровъ моей жизни; помнишь?... на чердакѣ кн. Шаховскаго³⁵⁾».

Дружба Пушкина съ Катенинымъ началась съ того, что первый пришелъ къ послѣднему, и подавая ему свою трость, сказалъ: «Я пришелъ къ вамъ какъ Діогенъ къ Антисоену: побей—но выучи!» «Ученаго учить—портить!» отвѣчалъ ему Катенинъ³⁶⁾.

Павель Александровичъ Катенинъ служилъ тогда капитаномъ въ Преображенскомъ полку, и въ предшествовавшія войны участвовалъ во многихъ сраженіяхъ. Но еще гораздо раньше, занимая какую то должность въ министерствѣ народнаго просвѣщенія, онъ страстно полюбилъ науки и словесность. Въ тогдашнемъ обществѣ и меж-

³⁴⁾ См. у г. Анненкова, стр. 56. Катенинъ упрекалъ Пушкина вѣроятно за тѣ мѣста въ Посланіи его къ Жуковскому (1817 года), которыми Шаховскій не могъ не оскорбиться. Впрочемъ посланіе это при жизни Пушкина не появлялось въ печати.

³⁵⁾ Тамъ же, стр. 60.

³⁶⁾ Тамъ же, стр. 55. Г. Анненковъ приводитъ также нѣсколько писемъ Пушкина къ Катенину, относящихся къ позднѣйшему времени.

ду писателями того времени онъ былъ явленіемъ весьма замѣчательнымъ, по необыкновенной начитанности и огромному запасу разнообразныхъ свѣдѣній, которыми онъ удивлялъ всѣхъ своихъ знакомыхъ, и которыя раскрылъ между прочимъ позднѣе, въ статьяхъ своихъ о Теоріи Словесности, помѣщавшихся въ Литературной Газетѣ Дельвига 1830 г. Оттого Катенинъ отличался рѣдкою самостоятельностью и твердостью въ сужденіяхъ, и мы думаемъ, что не столько таланты его, какъ писателя, сколько упомянутыя качества привлекали къ нему Пушкина, умѣвшаго даже и во время буйной своей молодости цѣнить и любить настоящія достоинства въ людяхъ. Катенинъ былъ старше Пушкина 7 годами. Пушкинъ вѣрилъ его сужденіямъ, и не рѣдко подчинялся имъ. «Ты отучилъ меня отъ односторонности въ литературныхъ мнѣніяхъ, а односторонность есть пагуба мысли», писалъ къ нему въ послѣдствіи Пушкинъ. Говорятъ даже, что и въ обращеніи и ухваткахъ у нихъ было что-то общее. Вліяніе Катенина на Пушкина относится именно къ этому времени. Впослѣдствіи они уже не могли часто видаться, будучи разлучены разными обстоятельствами жизни. Но Пушкинъ до конца сохранялъ неизмѣнное уваженіе къ литературнымъ его приговорамъ.

Въ такихъ же, но можетъ быть болѣе искреннихъ сношеніяхъ находился Поэтъ съ другимъ пріятелемъ своимъ, гвардейскимъ офицеромъ Петромъ Яковлевичемъ Чаадае-

вымъ. Они познакомились въ домѣ Карамзина еще въ Царскомъ Селѣ, гдѣ Чаадаевъ стоялъ съ лейбъ-гусарскимъ полкомъ. Съ перваго же свиданія молодой поэтъ сблизился съ нимъ, и въ послѣдній годъ лицейской жизни своей, безпрестанно приходилъ къ нему, и просиживалъ у него цѣлые дни, то бесѣдуя съ нимъ, то читая книги въ его отборной и обширной библіотекѣ. Черезъ годъ они снова свидѣлись въ Петербургѣ (1818), куда переѣхалъ Чаадаевъ, занявъ мѣсто адъютанта при Иларіонѣ Васильевичѣ Васильчиковѣ (впослѣдствіи князь), начальникѣ гвардейскаго корпуса. Съ шумныхъ пировъ, съ блестящихъ баловъ, съ театральныхъ репетицій поэтъ не рѣдко убѣгалъ въ кабинетъ друга своего, въ Демутовомъ трактирѣ, чтобы освѣжить умъ и сердце искреннею и дѣльною бесѣдою. Подъ вліяніемъ этихъ сношеній написано въ 1818 г. искаженное во всѣхъ изданіяхъ посланіе къ нему Пушкина, начинающееся такъ:

Любви, надежды, тихой славы
Недолго нѣжилъ насъ обманъ.....

Но свою признательность къ другу поэтъ выразилъ публично, черезъ годъ послѣ разлуки съ нимъ, въ извѣстномъ посланіи, принадлежащемъ къ лучшимъ его произведеніямъ.³⁷⁾ Въ апрѣлѣ 1821 года изъ Кишинева писалъ онъ къ нему:

⁸⁷⁾ Оно было напечатано въ 35 № Сына Отечества 1821 года, съ полнымъ именемъ Автора, что много значило, ибо большую часть своихъ

. печальный вижу я
 Лазурь чужихъ небесъ, полдневные края;
 Ничто не замѣнить единственнаго друга:
 Ни Музы, ни труды, ни радости досуга.
 Ты былъ цѣлителемъ моихъ душевныхъ силъ;

У Чаадаева поэтъ познакомился со многими замѣчательными дюдьми, и сблизился съ его товарищемъ по службѣ Н. Н. Раевскимъ, который такъ былъ друженъ съ Пушкинымъ въ послѣдствіи.—Когда имя Пушкина становилось уже народнымъ, и Государь Александръ Павловичъ изъявилъ Васильчикову желаніе свое прочесть какіе нибудь еще неизданные стихи молодого поэта, Васильчиковъ обратился за ними къ адъютанту своему, и тотъ доставилъ собственноручно переписанное Пушкинымъ стихотвореніе *Уединеніе*: это превосходное, уже запечатлѣнное всею силою таланта, произведеніе, и особенно неизданный конецъ его, удостоились Высочайшаго вниманія и отменно полюбилися Его Величеству. ³⁸⁾

посланій Пушкинъ либо вовсе не печаталъ, либо не вполне означалъ своимъ именемъ.

О неизмѣнный другъ, тебѣ я посвятилъ
 И краткій вѣкъ, уже испытанный судьбою,
 И чувства, можетъ быть спасенныя тобою!....
 Во глубину души вникая строгимъ взоромъ,
 Ты оживлялъ ее совѣтомъ иль укоромъ;
 Твой жаръ воспламенялъ къ высокому любовь;
 Терпѣнье смѣлое во мнѣ раждалось вновь.....

³⁸⁾ Еще когда Пушкинъ былъ въ Лицеѣ, его стихи къ принцу Оранскому, (въ послѣдствіи Ко-

Стихотворенія *Уединеніе* и *Домовому* написаны лѣтомъ 1819 года въ Михайловскомъ, куда ежегодно уѣзжалъ Пушкинъ вмѣстѣ съ семьею; въ нихъ изображены картины тамошней мѣстности. Отъ 1819 года имѣемъ мы не болѣе 10 стихотвореній Пушкина, но за то почти всѣ они уже отличаются тою художественною правильностью и отдѣлкою, которыя съ той поры все болѣе обнаруживаются въ его произведеніяхъ. Еще въ Петероургѣ написаны имъ два антологическія стихотворенія: *Дорида* и *Доридъ*.³⁹⁾ Можно догадываться, что къ концу 1819 года Пушкину начинаетъ надоѣдать беспорядочная жизнь: разгаръ страстей утомляетъ его. Но могучая природа тотчасъ снова получаетъ бодрость. Поэтъ сознаетъ высокое призваніе свое, какъ о томъ свидѣтельствуетъ написанная въ то время піеса *Возрожденіе*, въ

ролю Нидерландскому, супругу Ея Величества Анны Павловны) были поднесены Государынѣ Императрицѣ Маріи Ѳедоровнѣ, Которая благоволила наградить Автора золотыми часами съ цѣпочкою. (См. сочиненіе Пушкина, изд. Анненкова, т. II, стр. 152). Мысли, выраженные въ концѣ стихотворенія *Уединеніе*, были тогда въ большомъ ходу. См. между прочимъ Вѣстникъ Европы 1817 года, № 3-й и далѣе.

³⁹⁾ Г. Анненковъ не справедливо относитъ ихъ къ произведеніямъ написаннымъ въ южной Россіи: оба они появились въ печати въ январской и февральской книжкахъ Невскаго Зрителя 1820 года, а поэтъ оставилъ Петербургъ, лишь въ маѣ этого года.

которой онъ какъ бы сравниваетъ прошедшія увлеченія свои съ чуждыми красками, затемнявшими собою картину гениальнаго художника:

Но краски чуждыя, съ лѣтами,
 Спадаютъ ветхой чешуей:
 Созданье генія предъ нами
 Выходить съ прежней красотой.
 Такъ исчезаютъ заблужденья
 Съ измученной души моей,
 И возникаютъ въ ней видѣнья
 Первоначальныхъ, чистыхъ дней.

Этими стихами, если не ошибаемся, обозначается вообще направленіе Пушкина въ послѣдніе мѣсяцы его пребыванія въ Петербургѣ, хотя разумѣется по живости своего характера онъ не всегда равно слѣдовалъ оному. Подробностей мы не имѣемъ, но кажется, къ этому времени слѣдуетъ отнести столь извѣстное предсказаніе гадальщицы, которое къ нашему горю сбылось во всей точности.

Едва ли найдется кто либо не только изъ друзей Пушкина, но даже изъ людей, часто бывавшихъ съ нимъ вмѣстѣ, кто бы не слыхалъ отъ него болѣе или менѣе подробнаго разказа объ этомъ случаѣ, который потому и принадлежитъ къ весьма немногому числу загадочныхъ, но въ то же время достовѣрныхъ, сверхъестественныхъ происшествій. Во всякой искренней бесѣдѣ Пушкинъ вспоминалъ о немъ, и особенно когда заходилъ разговоръ о наклонности его къ суевѣрью и о примѣтахъ. Такъ между про-

чимъ въ 1833 году въ Казани онъ передавалъ его извѣстной писательницѣ, Александрѣ Андреевнѣ Фуксъ, которая и сообщила его публикѣ въ своихъ Воспоминаніяхъ о Пушкинѣ ⁴⁰⁾.

Поздо вечеромъ, за ужиномъ, разговорившись о магнетизмѣ и о своей вѣрѣ въ него, Пушкинъ началъ такъ разказывать г-жѣ Фуксъ и ея мужу: «Быть такъ суевѣрнымъ, заставилъ меня одинъ случай. Разъ пошелъ я съ Н. В. В. ходить по Невскому проспекту, и изъ проказъ зашли въ кофейной гадальщицѣ. Мы просили ее намъ погадать, и, не говоря о прошедшемъ, сказать будущее.» Вы, сказала она мнѣ, на этихъ дняхъ встрѣтитесь съ вашимъ давнишнимъ знакомымъ, который вамъ будетъ предлагать хорошее по службѣ мѣсто; потомъ въ скоромъ времени, получите черезъ письмо неожиданныя деньги; третіе, я должна вамъ сказать, что вы кончите вашу жизнь естественною смертію».... Безъ сомнѣнія я забылъ въ тотъ же день и о гаданіи и о гадальщицѣ. Но спустя недѣли двѣ послѣ этого предсказанія, и опять на Невскомъ проспектѣ, я дѣйствительно встрѣтился съ моимъ давнишнимъ пріятелемъ, который служилъ въ Варшавѣ при Великомъ Князѣ Константинѣ Павловичѣ и перешелъ слу-

⁴⁰⁾ См. Воспоминанія объ А. С. Пушкинѣ Александры Фуксъ, Казань 1844, брошюра изъ № 2-го Прибавленій къ Казанскимъ Губернскимъ Вѣдомостямъ.

жить въ Петербургъ; онъ мнѣ предлагаль и совѣтоваль занять его мѣсто въ Варшавѣ, увѣряя меня, что Цесаревичъ этого желаетъ. Вотъ первый разъ послѣ гаданья, когда я вспомнилъ о гадальщицѣ. Черезъ нѣсколько дней послѣ встрѣчи съ знакомымъ, я въ самомъ дѣлѣ получилъ съ почты письмо съ деньгами; и могъ ли я ожидать ихъ? Эти деньги прислалъ мой лицейскій товарищъ, съ которымъ мы, бывши еще учениками, играли въ карты, и я его обыгралъ: онъ, получа послѣ умершаго отца наслѣдство, прислалъ мнѣ долгъ, котораго я не только не ожидалъ, но и забылъ объ немъ. Теперь надобно сбыться третьему предсказанію, и я въ этомъ совершенно увѣренъ.»

Этотъ разказъ, въ вѣрности передачи котораго ручается благоговѣйное уваженіе г-жи Фуксъ къ памяти Пушкина, далеко не полонъ. Изъ достовѣрныхъ показаній друзей поэта оказывается, что старая нѣмка, по имени Киргофъ, къ числу разныхъ промысловъ которой принадлежали ворожба и гаданье, сказала Пушкину: «*Du wirst zwei Mal verbannt sein; du wirst der Abgott deiner Nation werden; vielleicht wirst du sehr lange leben, doch in deinem 37 Jahre fürchte dich vor einem weissen Menschen, einem weissen Ross oder einem weissen Kopfe.*» (Т. е. ты будешь два раза жить въ изгнаніи; ты будешь кумиромъ своего народа; можетъ быть ты проживешь долго; но на 37 году жизни берегись бѣлаго человѣка, бѣлой лошади или бѣлой головы). По свидѣтельству Льва

Сергѣевича предсказана была и женитьба ⁴¹. Левъ Сергѣевичъ передаетъ еще, что братъ его встрѣтился съ знакомымъ своимъ, предлагавшимъ ему надѣть эполеты, по выходѣ изъ театра до окончанія представленія и что знакомый этотъ былъ генераль Орловъ; что предсказанныя деньги Пушкинъ нашель возвратясь домой: ихъ оставилъ ему товарищъ, заѣхавшій съ нимъ проститься передъ отправленіемъ за границу.

Поэтъ твердо вѣрилъ предвѣщанію во всѣхъ его подробностяхъ, хотя иногда шутилъ, вспоминая о немъ. Такъ, говоря о предсказанной ему народной славѣ, онъ смѣючись прибавлялъ, разумѣется въ тѣсномъ пріятельскомъ кружку: «А вѣдь предсказаніе сбывается, что ни говорятъ журналисты.» По свидѣтельству покойнаго П. В. Нащокина, въ концѣ 1830 года, живя въ Москвѣ, раздосадованный разными мелочными обстоятельствами, онъ выразилъ желаніе ѣхать въ Польшу, чтобы тамъ принять участіе въ войнѣ: въ непріятельскомъ лагерѣ находился кто-то по имени Вейскопфъ (бѣлая голова), и Пушкинъ говорилъ другу своему: «Посмотри, сбудется слово нѣмки; онъ непременно убьетъ меня!»

Нужно ли прибавлять, что настоящій убійца дѣйствительно бѣлокурый человѣкъ и въ 1837 году носилъ бѣлый мундиръ?

Причины и обстоятельства удаленія Пушкина изъ Петербурга еще не могутъ быть

⁴¹⁾ См. Москвит. 1853 № 10-й стр. 52.

разъяснены въ подробностяхъ. Вѣрно то, что ему готовилась участь гораздо болѣе тяжкая той, которой онъ подвергся. Нѣжной предупредительности одного изъ истинныхъ друзей своихъ, въ особенности же поручительству Н. М. Карамзина и ходатайству своего начальника по службѣ, графа Каподистрии, обязанъ былъ онъ смягченіемъ судьбы своей. Другъ его, услыхавъ о грозившей ему бѣдѣ, поспѣшилъ къ Карамзину, и объяснилъ ему дѣло, съ трудомъ нашедъ случай переговорить съ нимъ о томъ. Пушкинъ, никогда не забывалъ этого, и въ слѣдующихъ двухъ стихахъ благодарилъ попечительнаго друга:

Въ минуту гибели надъ бездною потаенной
Ты поддержалъ меня недремлющей рукой.

Въ Эпиграфъ къ Руслану и Людмилѣ, написанномъ уже на Кавказѣ, читаемъ:

Я пѣлъ и забывалъ обиды
Слѣпаго счастья и враговъ,
Измѣны вѣтренной Дориды,
И сплетни шумныя глупцовъ.
На крыльяхъ вымысла носимой,
Умъ улеталъ за край земной;
И между тѣмъ грозы незримой
Сбиралась туча надо мной!...
Я погибалъ... Святой хравитель
Первоначальныхъ, бурныхъ дней,
О дружба, нѣжный утѣшитель,
Бользненной души моей!
Ты умолила непогоду;
Ты сердцу возвратила миръ;
Ты сохранила мнѣ свободу,
Кипящей младости кумиръ!

Почти накануне рѣшенія своей участи, поэтъ просидѣлъ у Карамзина до полночи, искренно передавая ему повѣсть своихъ заблужденій и прося о заступленіи. Конечно эта бесѣда съ Карамзинымъ, послѣдняя въ жизни, осталась на всегда въ благодарной памяти Пушкина.

Изъ мѣста службы своей онъ переведенъ былъ въ канцелярію главнаго попечителя колонистовъ Южнаго края, генераль-лейтенанта Ивана Никитича Инзова. Отпускъ, данный ему изъ министерства иностранныхъ дѣлъ, носить помѣту 5-го мая 1820 года. Онъ немедленно отправился изъ Петербурга въ Екатеринославль, гдѣ тогда находилось управленіе колоніями Южной Россіи. Друзья его, Дельвигъ и П. Л. Яковлевъ, братъ лицейскаго товарища, проводили его до Царскаго села ⁴²⁾.

Его поэма появилась въ печати чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ по его отъѣздѣ: ценсурная помѣта на ней Ив. Тимковскаго означена 15-го мая 1820 года. Въ сентябрѣ, въ 38 книжкѣ Сына Отечества одинъ изъ восторженныхъ его почитателей напечаталъ посланіе къ нему, оканчивающееся стихами:

Судьбы и времени сѣдаго
 Не бойся, молодой пѣвецъ!
 Слѣзы исчезнутъ поколѣній,
 Но живъ талантъ, бессмертенъ гений.

⁴²⁾ См. 3-ю статью Гаевского о Дельвигѣ, въ 1-й книжкѣ Современника за 1854 годъ, въ отдѣлѣ критики, стр. 7.

Этотъ привѣтъ тронулъ душу поэта , и онъ отвѣчалъ на него вполсѣдствіи.

Когда средь оргій жизни шумной
 Меня постигнулъ остракизмъ,
 Увидѣлъ я толпы безумной
 Презрѣнный, робкій эгоизмъ.
 Безъ слезъ оставилъ я съ досадой
 Вѣнки пировъ и блескъ Аѳинъ,
 Но голосъ твой мнѣ былъ отрадой,
 Великодушный гражданинъ ⁴³).

Не знаемъ , останавливался ли Пушкинъ на пути въ родномъ своемъ городѣ въ Москвѣ. Въ іюнѣ уже застаемъ его при Инзовѣ въ Екатеринославѣ. *П. Бартенева.*

⁴³) Изъ письма къ брату Льву Сергѣевичу. (Кишеневъ, въ янв. 1823). Копія съ подлинныхъ писемъ Пушкина къ брату были сообщены намъ еще въ октябрѣ 1853 года въ полное распоряженіе съ согласія супруги Льва Сергѣевича, С. А. Соболевскимъ , которому приносимъ усерднѣйшую благодарность и за многія другія указанія и исправленія въ трудѣ нашемъ.

(Изъ №№ 142 , 144 и 145 Моск. Вѣд. 1855 года.)

Печатать позволяется. Москва , Декабря 9-го дня, 1855 г.
 Ценсоръ В. Флеровъ.